

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St.-Petersbourg.

Tome XV.
(1911 - 1912).

St.-Petersbourg, 1912.

Богъ Σαβάζιος у армянъ.

Н. Я. Марра.

(Должено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 27 апрѣля 1911 г.)

Тomaschek приводитъ семь побочныхъ формъ (Σαβάδιος, Σεβάζιος, Σεβάδιος, Σενάδιος, Σανάζιος, Σαοάζιος, Σαάζιος)¹⁾ для основной, по его мнѣнію, формы Σαβάζιος, названія фригійскаго бога²⁾. По словамъ того же изслѣдователя, „фригійскій богъ, о которомъ впервые упоминаетъ Аристофанъ, проникъ въ эпоху императоровъ и во Фракію; Алекс. Полигисторъ сообщаетъ (у Macr. Sat. I 18): «in Thracia eundem haberi Solem atque Liberum, quem illi Sebadium nuncupantes magna religione celebrant». Въ области Сердикъ тотъ же богъ по мѣсту нахождения храма въ Ἀδύλαος носилъ прозвище κείριος Σαβάζιος Ἀδύλαωνός, Mitth. XIV, p. 150 n° 25; изъ Никополя происходитъ надпись X, p. 241 n° 6 *νῶν θεᾶς Ἰδεῖας Μεγάλης Μητρός Διᾶ Πιλιῶ Μεγάλῳ κειρίῳ Σαβαζίῳ, ἀγίῳ*³⁾. И далѣе⁴⁾: „Макед. Σανάδα, Nesych., или Σενίδα, Cornutus 30, едва-ли представляютъ «благодѣтельное» существо, какимъ былъ Sabazios».

Въ вопросѣ объ этимологіи, насъ по преимуществу интересующемъ, специалистъ орако-фригійской рѣчи болѣе былъ силенъ въ отрицательныхъ сужденіяхъ, чѣмъ положительныхъ, когда онъ, отвергая связь Σαβάζιος съ *σέβομαι*, писалъ⁵⁾: „въ сомнѣніи оставлять и впервые Вигноуфомъ привлеченный корень *си* (европ. кельт. *ku*) скр. *śavas*, зд. *śavahh* «процвѣтать» (равно въ дак. *сѣва*, Pflanzennamen n° 53?). Фригійскому языку, повидимому, осо-

1) У Tomaschek'a собственно Σαάζιος, но объ этой формѣ см. § см. ниже, стр. 760, прим. 4.

2) II. *Die alten Thraker*. Ein ethnologische Untersuchung. II. Die Sprachreste. I. Hälfte. Glossen aller Art und Götternamen, Вѣна 1893. (Sitzungsb. der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. Cl., Bd. CXXX), стр. 43.

3) Tomaschek, ц. с., стр. 43, ср. ниже, стр. 762, прим. 3.

4) ц. с., стр. 44.

5) Tomaschek, ц. с., стр. 43.

бенно свойственно было развитие начального *tv, t̃* въ *s*; естественнѣ всего въ основаніе его класть греч. *σάφο-* «спас-» (ср. кипр. *Σαφ οκλέης ης; Σάφος* и *Σάων* на Самоеракии) изъ *tva-vo-*, отъ корня *teva: tū*, «пыхнуть, быть сильнымъ»; отсюда переходный глаголь *σαβάζω ἐδάζω* и формула добраго пожеланія *εἰδοί σαβοί* «благополучія и успѣха», *Σεφάδος* «дарующій процвѣтаніе и удачу», а также *Σωτήρ* (макед. *σαύτωρ*) или *Σαώτης* AP. IX 603. Въ надписяхъ Малой Азіи онъ часто появляется какъ *θεός Σώζων* или «Спаситель»¹.

Р. Kretschmer, наоборотъ, склонялся къ мнѣнію, что *Σαβάζιος* внесенъ въ Малую Азію изъ Европы¹:

„Главное божество, которое завоеватели приесли съ своей родины, Европы, былъ Sabazios [Sabaḗdios]²) или правилыѣ Savazios [Sabaḗdios]³), ибо передача звукомъ *β* греческой транскрипціи *Σαβάζιος* звука *w* слѣдуетъ изъ начертаній *Σαοβάζιος*, Sterrett [*An Epigraphical Journey in Asia Minor*] Pap. of the Amer. School. II [No] 46[1], *Σαοβάζιος* тамъ же, II [No] 45[з, ср. 44,з], *Σαοάζ(ι)ος* тамъ же, II [No]37, [6], [Ramsay, *Antiquities of Southern Phrygia and the Borderlands*] Amer. Journ. of Arch. 1887, 363, равно какъ изъ *Σαάζιος* рельефа изъ [города] Blandos [нынѣ Balát] (Conze, *Reise auf den Inseln des Thrak. Meeres. Taf. XVII* [7, стр. 98 сл., табл. воспроизведена въ ц. ниже статьѣ словаря Roscher'a, стр. 243]⁴), гдѣ *w*, какъ это бываетъ часто, остался невыраженнымъ, такъ какъ въ іоническомъ алфавитѣ недоставало равнозначущаго начертанія. По всей видности, македонское обозначеніе Силеновъ, *Σαβάδαι* (Amerias у Hesych.⁵), s. v., *Σεῦδαι ἀπὸ τοῦ σέβειν* (Cornut. 30) и названіе еракийскаго города *Σαβὰδία* или *Σαβαδία* (Hierokles Syneked. 633⁶) находятся

1) *Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache*, Геттингенъ 1896, стр. 195—198.

2) Наша транскрипція. Н. М.

3) Наша транскрипція. Н. М.

4) „ср. Keil, *Philologus* II. Suppl.-Bd., 1863, стр. 606. — Такое же чередованіе начертанія обнаруживается въ ликаонійскомъ названіи мѣстности *Savatra* Tab. Reut., *Σαβάτρα* Hierokl. 676, *Σοάτρα* Strab.“ — Кстати, замѣчу отъ себя, что Keil въ цитованной работѣ, озаглавленной *Inschriften aus Griechenland*, на стр. 6 сл. впервые возбудилъ сомнѣніе по поводу чтенія Conze *Σααζιω* въ отношеніи ξ вм. ζ, обсуждалъ пропускъ β и высказывался и объ отождествленіи *εδάζιος* съ *σαβάζιος*. Эти затрудненія, а въ связи съ первымъ изъ нихъ названіе *Σάβαχος*, смущающее и Kretschmer'a, равно нныя еще не упомянутыя разновидности, напр. Sabandios (A. Conze, и. с., стр. 99), могли бы получить объясненіе на почвѣ законовъ яфетической фонетики, если бы оказалось, что *Σαβάζιος* яфетическаго происхожденія. По послѣдній вопросъ пока рѣшать преждевременно, хотя ставить его приходится. Н. М.

5) На основаніи того же источника Р. Perdrizet (цит. ниже соч., стр. 58) приводитъ форму «*Σαβάδοι*» и стигнутою «*Σαδδοι*». Н. М.

6) Conze, между прочимъ, стр. 98 сл. Tomaschek (*Thraker* II, 1, 44) неосновательно отдѣляетъ *Σαβάδοι* отъ *Σαλάζιος*“.

также въ связи съ *Σαβάζιος*. Слѣдовательно, основная форма названія — *Savadios*: *d* засвидѣтельствованъ впрочемъ многократно, ср. *Sabadius* Apuleius Metam. VIII 25, *deo Sabadio* Dessau Inscr. lat. selectae I 2189 (посвященіе одного Decurio alae primae Dardanorum prov. Moesia), *Savadia* (Georges Lex. lat. Wortf. s. v.), *Sebadius* Alexand. Polyhist. у Macrobian. Sat. I 18, 11, *Sebadio* Arnob. V 21. Эта ассимиляція *d* передъ *i* въ орако-фригійскомъ представляетъ часто встрѣчающееся явленіе въ измѣненіяхъ звуковъ: случаи, сюда относящіеся, суть *Ναδιανδός* = *Ναζιανδός*¹⁾ Philostorg. Hist. Eccles. VIII 11, *Ζιζιμίμη* = *Δι(ν)δυμένη*, *Laodikeia* Katakakeumene, Athen. Mitt. XIII 287 n. 9, *Βερζεῖ* Voc. = *Βερδεῖ* Pantikaraion [В. В.] Латышевъ Inscr. Pont. Eux. II n. 223 (дочь нѣкогого *Μοκάπορις*, слѣдовательно, оракійка), ср. *Φαζίναμος* = *Φαδίναμος* на танаисскихъ камняхъ, тамъ же II 446. 451. 454. 455; далѣе *Κουζινάς*, *Κοισινάς* Eustath. къ II. Ω 615 p. 1367. Tomaschek Sitzgsber. d. Wien. Akad. 124, 29) = *Κοδδίνου πέτρα*, вершина Сиппла Pausan. III 22,4²⁾. Догадка Dieterich'a (Philol. 52,6), что богиня *Μίσα* должна означать то же, что *Μίδα*, мать Мидаса (Hesych. подъ *Μίδα θεός*), мнѣ кажется непрочной, такъ какъ вм. ожидаемаго ζ во всѣхъ записанныхъ формахъ держится σ, что недостаточно оправдывается латинскимъ *Sabasius* (Mainz, Dessau Inscr. lat. sel. I n. 2294³⁾). Что фригійцы Сабадзія («Savazios») принесли съ собою изъ Европы, это можно доказать во всякомъ случаѣ не тѣмъ, что въ позднѣйшее время прослѣживается оракійскій культъ названнаго бога⁴⁾, такой культъ могъ основываться и на обратной миграціи, а македонскими *Σαβάδαи* и прежде всего родствомъ съ оракійскимъ Діонисомъ, котораго мы знаемъ, конечно, почти

1) Какъ разъ въ этомъ примѣрѣ ассимиляція наблюдается не только передъ *i*, но и передъ *o*. Н. М.

2) Тоже звуковое явленіе обсуждается Kretschmer'омъ, при чемъ со ссылкой уже и на *Σαβάζιος*, на стр. 231. Н. М.

3) „Истолковать это названіе трудно. Быть можетъ, оно ближайше означаетъ только „бога Савадовъ“, т. е. Силеновъ; по крайней мѣрѣ это прежде всего приходится въ голову при объясненіи отношенія *Σαβάδιος* къ *Σαβάδαи*. *Σάδος* есть или сокращеніе *Σαβάζιος* а или основа, къ которой онъ относится такъ, какъ эол. patronymikon *Υφραίδιος* къ *Υφραας*. Когда жрецы называются подобно богу *Σάδοи* (ж. *Σάδαи*) или *Σαβάζιοи*, то въ этомъ проявляется такое же соотношеніе, какое существуетъ между *Βάζχος* и *Βάζχοи*, *Βάζχαи*; другія параллели отиѣчаетъ Maas, Orpheus стр. 186, прим. Я не рѣшаю вопроса о корнѣ, лежащемъ въ основѣ названія. — Форма *Σεβάζιος* (напр. Mitt. aus Oest. X 238 сл. п. 214, 241 п. 6. XVIII 119), *Sebadius* (Macrobian. I 18. Arnob. V 21) можетъ основываться на удоболеніи глаголу *σεβάσσειν*. Заслуживаетъ еще вниманія названіе Сатира *Σάβακχος* на вѣсахъ Брига (Klein Meistersign². 183)“.

4) „Свидѣтельствуется Александромъ Полигисторомъ у Macrobian. ц. м. и надписямъ, Mitt. aus Ost. X 238. 239. 241. XIV 150“.

исключительно въ его греческомъ образѣ. Это родство было всегда ясно уже грекамъ и выражалось въ сопоставленіи съ Діонисомъ. Подобно Діонису Сабадзій — божество, владычествующее надъ совокупною жизнью природы; отсюда представленіе, что онъ зимою спитъ, лѣтомъ бодрствуетъ (Plut. Isis. u. Osir. 69¹⁾); подобно культу Діониса, культъ его оргіастической, сходство котораго съ вакхическими торжествами еще Страбонъ (X, 471) возводитъ къ происхожденію фригійцевъ изъ Фракіи. Однако, рядомъ съ аналогичными чертами налицо значительныя отличія. Они, эти отличія, частью могли входить въ составъ культа названнаго бога еще на родинѣ въ Европѣ, частью развились впервые на азіатской почвѣ. Иммигранты связали своего Сабадзія съ туземными божествами, Аттисомъ и Кибелюю, и такъ слили свою религію съ религіею подчиненнаго населенія. Процессъ облегчался оргіастическимъ характеромъ обихъ религій и ихъ отношеніемъ къ жизни природы. Такимъ образомъ Сабадзій сдѣлался главнымъ божествомъ Фригіи, гдѣ поэтому, какъ освѣдомляютъ надписи, онъ отождествляется съ Зевсомъ значительно чаще, чѣмъ съ Діонисомъ²⁾. Новою, чуждою Діонису чертою является также и то, что его производятъ въ солнечнаго бога³⁾. Какъ онъ относится къ *Mῆνῦ*, съ которымъ его равнымъ образомъ отождествляютъ (Prokl. къ Plat. Tim. 251 C), пока такъ же неясно, какъ неясна вся сущность сего малоазійскаго «бога мѣсяца»⁴⁾. Можно оставить открытымъ и то, тождествененъ ли *Θεὸς Σάββαζον*, особенно чтившійся въ Миліадѣ и Кабалидѣ, съ Сабадзіемъ, какъ принялъ Ramsay (Amer. Journ. of Arch. 1887, 362)⁵⁾.

„Савадзій, судя по литературнымъ памятникамъ, оказывается, отгѣснвлъ на задній планъ древняго бога неба, который у фриго-оракійскихъ племенъ былъ общимъ съ эллинами и, надо думать, среди фригійцевъ также

1) Въ Nachträge (стр. 421 къ стр. 197) Kretschmer поправляется: „Plutarch, Isis u. Osir. 69, Сабадзія не называетъ, а говоритъ вообще объ *ὁ θεός*“. Н. М.

2) „*Διὶ Σάββαζον*“ есть обычное обозначеніе въ votивныхъ надписяхъ, но никогда, насколько я припоминаю, не встрѣчается *Διονέσσον Σάββαζον*. Въ крайнемъ случаѣ онъ могъ въ Фригіи подразумеваться, когда называли просто бога Діониса, ср. Ramsay, Cities and Bishoprics of Phrygia (Oxford 1895), стр. 140. 295. 307 п. 113^а. — P. Perdrizet, ц. ниже с., стр. 59, также подтверждаетъ, что „Sabazius, pour les Phrygiens comme les Thraces était le dieu suprême“, ср. также Eisele, ц. статья въ *Словарь Roscher*'а, стр. 241—242 (Iovi Zabasio и др.), а также стр. 256. Н. М.

3) „Alex. Polyhist. п. м.; [*νῆφ θεός*] *Ἰδίας μεγάλης [μηνῶ]ς*] *Διὶ Ἥλιον μεγὰ-λιν κροίον Σάββαζον ἀγίον*], I. v. Nikopolis, Mitt. aus Oest. X п. 6. Въ votивныхъ рельефахъ онъ часто представленъ въ коронѣ съ лучами“.

4) Опускаю пространное примѣчаніе, посвященное специально богу *Mῆνῦ*, о которомъ въ русской литературѣ имѣется работа Я. И. Смирнова, *О фригійскомъ боге мѣсяца* (*Στέφανος*. С.-Пб. 1895, стр. 82—135). Н. М.

5) См. мотивировку отрицательнаго отношенія къ этому вопросу у Eisele, ц. с., стр. 262—263.

игралъ болѣе значительную роль. Какъ отецъ Діониса, могъ онъ быть и отцомъ Сабадзія. Для Фригіи онъ свидѣтельствуется глоссою Гезихія *Βαυαῖος... Ζεὺς Φρύγιος*¹⁾. Еще далѣе (стр. 199): „Что рядомъ съ этимъ богомъ неба въ качествѣ супруги, соответствуя фракіійской Семелѣ («*Σεμέλα*»), стояла богиня земли, мы могли бы, пожалуй, заключить изъ показанія Діонисія Галикарнасскаго, 1, 27, которое Манеса, перваго царя Фригійцевъ, производить въ сына Зевса и Гея; впрочемъ выставленная тамъ генеалогія кажется основанною скорѣе, конечно, на позднѣйшихъ комбинаціяхъ, чѣмъ на дѣйствительно древнемъ преданіи.

„Фригійцы взяли съ собою въ Азію и своихъ демоновъ источниковъ, Силеновъ²⁾ или Саватовъ³⁾, вождь конкъ Сабадзіи“.

Объясненія Tomaschek'a и Kretschmer'a даютъ вполне прочный результатъ въ одномъ отношеніи: они одинаково ясно раскрываютъ трудность этимологическаго толкованія названія бога *Σαβάζιος* на индоевропейской почвѣ. Eisele, авторъ обстоятельной статьи «*Sabaios (Σαβάζιος)*» въ *Словарь* W. H. Roscher'a⁴⁾, даетъ (стр. 234), повидямому, полный перечень работъ съ новѣйшими лингвистическими толкованіями термина взамѣнъ древняго схоластическаго, но онъ относится къ нимъ болѣе, чѣмъ сдержанно⁵⁾. Не болѣе счастливъ въ этомъ отношеніи и Paul Perdrizet въ своей также богатой указаніями на источники и литературу работѣ — *Cultes et mythes du Pangée*⁶⁾. P. Perdrizet весьма удачно опровергаетъ (стр. 60 сл.) толкованіе, по которому фракіійскій *Σαβάζιος* вначалѣ долженъ былъ представлять собою бога пива⁷⁾. Соответственно „этимологія должна бы была открыть эту первоначальную природу *Σαβάζιος*'а: названіе бога должно бы происходить отъ слова *sabaium*, которое по свидѣтельству святаго Іеронима (родившагося въ Стридонѣ, въ Далмаціи) среди народовъ Ил-

1) См. поправку Eisele, п. с., стр. 256, 2. Н. М.

2) „О природѣ Силеновъ см. Preller-Robert Gr. Myth. I 729“.

3) Въ другомъ мѣстѣ (стр. 222, прим. 1) по поводу чередованія въ огласовкѣ „е“ съ „а“ Kretschmer замѣчаетъ: „*Σεβδαί* вм. *Σαβδαί* можетъ основываться на народной этимологіи въ связи съ греч. *σεβω*, ибо Cornutus 30 объясняетъ его дѣйствительно *ἀπό τοῦ σεβειν*. Уже замѣчено выше, что *Σεβάζιος* равнымъ образомъ есть видоизмѣненіе *Σαβάζιος* на почвѣ народной этимологіи или можетъ таковымъ быть“.

4) *Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie*, LX-te Lief., Лейпцигъ 1909, s. v.

5) п. с., стр. 233: „In dem Bestreben, diesen an der Oberfläche liegenden Erklärungsversuch durch eine sprachwissenschaftlich motivierte Ableitung des Wortes zu ersetzen, ist man in neuerer Zeit über tastende Versuche nicht hinausgekommen“.

6) *Annales de l'Est publiées par la Faculté des lettres de l'Université de Nancy*, 1910.

7) „Jane E. Harrison, *Prolegomena to the study of greek religion*, pp. 418—420“.

лирии означало особый вид пива¹⁾. Иеронимъ говоритъ только о далматахъ, своихъ землякахъ, и панонцахъ. Но, кажется, слово дѣйствительно было въ употребленіи и восточнѣе, такъ какъ жители Халкедона (въ Вионніи) императора Валента заклеили въ насмѣшку прозвищемъ *Sabaiarius*, «пивнымъ мѣхомъ»²⁾. Далѣе, посвятивъ страницу, другую Діонису, P. Perdrizet заявляетъ³⁾: „Что касается *Σαβάζιος*’а, если я не могу допустить, даже въ предѣлахъ вѣроятія, чтобы онъ сначала былъ богомъ пива, такъ это потому, что въ текстѣ Иеронима, на который опираются, не сказано вовсе, что *sabaium* — оракійское слово: Иеронимъ говоритъ въ совершенно точныхъ и ясныхъ выраженіяхъ, что это далмато-панонское слово. На оракійскомъ языкѣ пиво называлось, повидимому, *βρῦτον*, *βρῦτος* или *πίνον*, *πίνος*»⁴⁾. Затѣмъ, остановившись на выясненіи оргіастическаго характера культа оракійскаго бога, P. Perdrizet провозглашаетъ *Σαβάζιος* эпитетомъ его, да еще эпитетомъ, возникшимъ изъ восклицанія. Самъ авторъ, повидимому, не вполне спокоенъ относительно лингвистической обоснованности своего толкованія и для бѣльшей убѣдительности ссылается на глоссы «древнихъ», забывая въ этотъ разъ⁵⁾, что «древніе» — плохіе совѣтчики въ области научной лингвистики. „Древніе прекрасно знали“, говоритъ P. Perdrizet⁶⁾, „что *Σαβάζιος* обязанъ былъ своимъ названіемъ ритуальному зову сабадіастовъ *εἶδοι σαβῶι*»⁷⁾. Изъ двухъ частей этого восклицанія первая, *εἶδοι*, породила съ раннихъ поръ прозвище *Εῦτος*⁸⁾. Другая всегда оставалась для греческаго слуха варварскимъ крикомъ“ и т. д. Словомъ, „*Σαβάζιος*, по всей видимости («semble bien»), какъ и *Βάκχος*, не названіе, а эпитетъ вели-

1) „*In Isaiam*, VII, 19 (Migne, P. L., XXIV, 253): ζῦθος, quod genus est potionis ex frugibus aquaque confectum, et vulgo in Dalmaticae Pannonicaeque provinciis gentili barbaroque sermone appellatur *sabaium*“.

2) „*Ammianus Marcellinus*, XXVI, 8: Valens... oppugnationi Chalcedonis magnis viribus insistebat: cuius e muris probra in eum jaciebantur, et iniuriose compellabatur ut *Sabaiarius*. Est autem *sabai* ex ordeo vel frumento in liquorem conversis paupertinus in Illyricum potus“.

3) ц. с., стр. 62.

4) „Тексты въ *Athénée*, X, p. 447 (принять къ тексту Архилоха исправленіе Wilamowitz’a, ap. *Hermes*, 1898, p. 515). Ср. Tomaschek, *Die alten Thraker*, II, 1, p. 7 и 18; Hirt, *Die Indogermanen*, t. II, p. 592. Вино по-оракійски называлось *ζειλά* (Tomaschek, II, 1, p. 11)“.

5) ср. ц. с., стр. 49, прим. 5: „*Hérodote*, d’ailleurs, n’était pas linguiste, ni personne parmi les anciens Grecs“.

6) ц. с., стр. 78.

7) „Демосевъ, *Pro corona*, p. 260 (оттуда Страбонъ, X, 3, § 18). Ср. Амвоней изъ Понтійскоі Гераклеи (ученый третьяго или втораго вѣка до нашей эры, авторъ *Περὶ Ἠρακλείας*), ap. *Schol. ad. Aves*, 874: *τιχέιν Διώνισον τῆς προσηγορίας ταύτης διὰ τὸ γινόμενον περὶ αὐτὸν θεισμὸν τὸ γὰρ ἐδάξειν οἱ βάρβαροι σαβάζειν φασίν ὅθεν καὶ τῶν Ἑλλήνων τινὲς ἀκολούθοῦντες τὸν ἐδασμὸν σαβασμὸν λέγουσιν*“.

8) „Lobeck, *Aglaophamus*, p. 1042“.

каго еракійскаго бога“, заключаетъ авторъ¹⁾. Онъ и терминъ *Βάκχος* готовъ произвести отъ какого-нибудь междометія, причѣмъ ссылается уже не какъ на видимость, а какъ на установленный фактъ на то, что *Σαβάσιος* „происходить не отъ *σέβασθαι* [это вѣд давно оставлено], а отъ ритуальнаго восклицанія *σαβοῖ σαβοῖ*“²⁾. Р. Perdrizet очень старательно выискиваетъ случаи, когда эпитеты боговъ возникали изъ аналогичныхъ, какъ ему кажется, восклицаній, напр. прозвища Діониса — *Ἐλελεύς* и *Ἰερύνης*³⁾, но онъ не показываетъ, да едва-ли могъ бы показать, что эпитеты такого происхожденія обращались въ воплощенные божества, равныя по значенію Сабазію, великому богу различныхъ народовъ, у каждаго изъ нихъ при одномъ и томъ же имени съ далеко не тождественнымъ культомъ, при томъ засвидѣтельствованному съ весьма ранней поры, во всякомъ случаѣ за много вѣковъ раньше, чѣмъ «древніе» додумались до его затѣйливаго толкованія. Къ этому теперь приходится еще прибавить, что терминъ *Σαβάσιος* на Востокѣ сохранился въ разнообразныхъ формахъ, фактъ, самъ по себѣ свидѣтельствующій о многотысячелѣтней самостоятельной его жизни внѣ предѣловъ Эракіи и даже Фригіи. Въ такихъ условіяхъ лингвистическая часть гипотезы Р. Perdrizet представляется основанной на одномъ созвучіи *σαβοῖ* съ *Σαβάσιος*, и если бы это созвучіе оказалось не случайнымъ, то пришлось бы «восклицаніе» *σαβοῖ*, какъ и другія сокращенныя формы, производить отъ *Σαβάσιος*, а не наоборотъ. Я уже не говорю о томъ, что загадочный вопросъ о терминѣ *Σαβάσιος* реально связываетъ не только Эракію, но и заморскій Востокъ съ классическимъ міромъ, и при столь широко открывающемся горизонтѣ нельзя его рѣшеніе вгонять назадъ въ узкія рамки одной классической филологіи съ міросозерцаніемъ древнихъ схоластовъ, нельзя все дѣло сводить къ игрѣ словами. Вопросъ о происхожденіи названія *Σαβάσιος*, очевидно, далекъ еще отъ рѣшенія.

У насъ сейчасъ рѣчь будетъ не о происхожденіи слова, а лишь о существованіи этого термина у армянъ, конечно, въ закономерно измѣненной формѣ, при томъ не одной. Въ культурно-историческомъ отношеніи важно уже то, что господство у армянъ этого термина привноситъ новое, далеко не лишнее подтвержденіе въ пользу свидѣтельства о родствѣ армянъ съ фригійцами. Отъ фригійцевъ есть основаніе, опираясь на нѣкоторыя

1) ц. с., стр. 79.

2) ц. с., стр. 53, см. также стр. 59: „Quoique ce nom (Sabazios), qui n'est qu'une épithète dérivée d'un cri rituel“ etc.

3) ц. с., стр. 78.

преданія, производить армянь-индоевропейцев¹⁾, по нашей теоріи, понятно, не всѣхъ армянь, а индоевропейскій слой, легшій въ основаніе этнографическихъ новообразованій, армянь и хаевъ, этихъ двухъ главныхъ типовъ въ составѣ населенія по-арійской исторической Арменіи.

Если бы происхожденіе термина было выяснено, притомъ былъ бы установленъ его индоевропейзмъ, то мы могли бы сказать, что *Σαβάζιος* — богъ индоевропейской Арменіи, какъ у яфетической Арменіи могъ быть свой богъ, притомъ не одинъ, напр. *κερ*²⁾. Но пока не только не выяснена индоевропейская этимология слова, но, какъ видно, нѣтъ данныхъ, чтобы рѣшительно настаивать на его индоевропейскомъ происхожденіи, нѣтъ основаній даже для того, чтобы его считать терминомъ, безусловно внесеннымъ въ Малую Азію изъ Македоніи, а не, наоборотъ, въ Македонію, какъ думалъ Tomaschek, изъ Малой Азіи³⁾, или, какъ показываютъ приводимые ниже лингвистическіе матеріалы, изъ Арменіи, т. е. изъ нѣдръ яфетическаго міра. Слѣдовательно, можетъ быть поставленъ вопросъ, не яфетическаго ли происхожденія терминъ? Необходимость считаться съ вопросомъ о возможности яфетидизма *Σαβάζιος* не исключалась бы и въ томъ случаѣ, если бы даже было окончательно установлено, что его занесли съ собою въ Малую Азію и далѣе въ Арменію индоевропейцы изъ Фракіи. Предшествовавшія индоевропейцамъ въ предѣлахъ древняго классическаго міра неопредѣлившіяся народности, пеласги, этруски и др., повидимому, являлись, какъ все болѣе и болѣе намѣчается, членами если не одной народной, то одной расовой величины. У нея были представители не только на островахъ, но и въ Малой Азіи. И задача методологически правильныхъ шгудій прежде всего выяснитъ отношеніе этихъ малоазійскихъ и съ ними родственныхъ народностей къ яфетическому міру, который, разумѣется, не умѣщался въ предѣлахъ расселенія своихъ нынѣшнихъ чистыхъ представителей, кѣрговъ (грузинъ), свановъ и тубал-кайновъ (мингрельцевъ, геср. иверовъ, и лазовъ, геср. чановъ).

Для исторически правильнаго размѣщенія яфетидовъ, до иммиграціи

1) Tomaschek, ц. с., стр. 21—22, и IV. *Die alten Thraker*. I. Übersicht der Stämme, Вѣна 1893 (ц. ж., Вл. СХХVIII), стр. 4—5. Существа дѣла можетъ не касаться, что нѣкоторыя лингвистическія подробности Томашека въ пользу его изложенія, напр. сопоставленіе арм. *aj solenij* съ названіемъ рѣки Halys, теперь отпадаютъ ввиду новыхъ толкованій на основѣ нашей теоріи (Н. Марръ, *Изъ поэмки въ Турецкій Лазистанъ*, Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1910, стр. 607).

2) Н. Марръ, *Еще о словѣ „челеби“* (къ вопросу о культурномъ значеніи курдской народности въ исторіи Передней Азіи), Зап. Вост. отд. Имп. Русск. Археол. общ., XX, стр. 13 сл.

3) Къ этой точкѣ зрѣнія склоняется больше и Eisele, ц. с. въ *Словарь Roscher's*, стр. 234—235, особ. 258.

индо-европейцев, недостаточно и прибавки территории Армении с ея двумя мѣшаного типа языками, хайскимъ и армянскимъ, такъ сильно переработанными благодаря смѣшенію съ яфетической рѣчью аборигеновъ. Сейчасъ налицо встрѣчная съ большою проблемою о первоначальномъ, до-арійскомъ, населеніи древняго классическаго міра не менѣе значительная, не менѣе назрѣвшая проблема о предѣлахъ распространенія яфетическихъ народовъ не только на востокъ, въ связи отчасти съ неразобранными до сихъ поръ реально-фонетически клинообразными надписями ванскими, эламскими и др., но и на западъ. И на пользу этой вполне научной проблемы, естественно, нельзя ничего сдѣлать безъ твердаго знанія яфетическихъ матеріаловъ, безъ помощи освѣщенія, которое даетъ уже сейчасъ молодая яфетпедологія и особенно сравнительная яфетическая лингвистика¹⁾. Также естественно, что ни къ чему не приводили всѣ попытки связать, напр., этрусскій языкъ съ «кавказскими», когда авторы этихъ попытокъ стремились *x* опредѣлить *y*-омъ, такъ какъ не только они лично о «кавказскихъ» языкахъ имѣли болѣе смутное представленіе, чѣмъ объ этрусскомъ, но сами такъ называемые «кавказскіе» языки безъ яфетической теоріи являются лингвистически неизвѣстною величиною²⁾.

1) Что археологическія данныя способны внести въ этотъ вопросъ желательный свѣтъ, само собою ясно, но при условіи правильной постановки археологіи всѣхъ яфетическихъ народовъ и болѣе внимательнаго, притомъ со стороны специалистовъ, а не любителей, отношенія къ живой старинѣ сохранившихся до нашихъ дней представителей яфетической вѣтви позитивической семьи.

2) Недавно появившаяся книга В. Carra de Vaux (*La langue étrusque. Sa place parmi les langues. Étude de quelques textes*, Парижъ 1911) затрагиваетъ отчасти указываемую мною главную очередную проблему, но его идея найти ключъ для разгадки этрусскаго языка въ „алтайской“ семьѣ языковъ, едва-ли счастливая по существу, представляется безнадежною уже потому, что авторъ исходитъ изъ совершенно ненаучныхъ положеній о сравнительномъ языкознаніи и вообще о роли лингвистики въ подлежащихъ ея компетенціи вопросахъ. Достаточно сказать, что въ заключеніи общихъ, отнодь не основанныхъ на строго лингвистическихъ данныхъ, соображеній въ пользу еродства этрусскаго съ „алтайскими“ языками, какъ бы вѣчная свое построение, В. Carra de Vaux говоритъ (Introduction, стр. XXXIV): „La place qu'occupe l'étrusque parmi les langues, ne saurait plus être en aucune façon douteuse. Cette solution générale étant acquise, l'étude particulière des textes est affaire d'ingéniosité“. Дѣйствительно, автору ничего не остается, какъ искать убѣжища въ находчивости и искусствѣ ловить созвучія и сопоставлять, такъ какъ лингвистикѣ съ строгими научными законами онъ отрицаетъ какъ устарѣвшую дисциплину: „l'idée de parenté elle-même est un peu étroite; on peut fort bien y substituer l'idée non moins simple et plus souple d'analogie“ (стр. 6), „Que deux langues se ressemblent, cela n'est nullement une preuve qu'elles sont réellement issues, par voie d'évolution, d'un même idiome ancien: le phénomène de la formation des langues nous est plus inconnu que celui de leur évolution“ (стр. 7), „On demande souvent que les comparaisons entre les langues soient formulées en lois. Cette conception pourtant tend, je crois, à vieillir, et, en pratique au moins, on commence à la délaissier comme on a depuis longtemps déjà délaissée celle des «lois de l'histoire»“ (стр. 8). При такихъ общихъ взглядахъ на лингвистикѣ, естественно, отъ книги остается впечатлѣніе однихъ усилій въ области „ingéniosité“. Многочисленные же образчики такихъ усилій, щедро рассыпанные по всей книгѣ въ 189 страницъ

Однако, сейчас мы отстраняем всё общія проблемы. Сосредоточиваем свое внимание на лингвистических фактах вайскаго и армянскаго, языковъ.

У армянъ терминъ *Σαβάζιος* всегда въ значеніи *Бога*, сохранившемся и по принятіи ими христіанства, представленъ въ многочисленныхъ диалектическихъ разновидностяхъ, которыя восходятъ къ двумъ, если не тремъ, основнымъ типамъ, точнѣе прототипамъ: 1) *sabat* съ десбиляціею *sabat* и 2) **sa-baš* съ десбиляціею *sabaš*¹⁾.

Указанные два прототипа по фонетикѣ и вайскаго, и армянскаго языковъ, общей съ сравнительною фонетикою яфетическихъ, проявляя въ исходѣ одинъ глухой *t*, другой — средний *š*, находятся на двухъ концахъ звукового движенія, предполагающихъ неизбежное посредничество и, слѣдовательно, существованіе третьяго типа съ звонкимъ *d*: *sabađ*, съ десбиляціею — *sabad*. Эта форма въ обѣихъ разновидностяхъ и представлена ерако-фригійскими матеріалами (*Σαβάζιος*, *Sabadius* и т. п.), но не чужда она и армянскому²⁾. Форму съ десбилованнымъ *š* — *sabaš* — также было бы основаніе признать представленной и вѣв-армянскими матеріалами, именно открытою въ Мэопии надписью, въ которой читается *Σαβαδικῶ ἐβήρη*, но пока по вопросу объ этомъ *Σαβαδικῶς* не сходятся въ мнѣніи два сотрудника одного и того же выпуска LX *Словаря* Roscher'a: Eisele (стр. 237) въ немъ видитъ *Σαβάζιος*, а Höfer (стр. 267) — «*Sabba* (*Σάββη*)»³⁾. Если бы была лингвистически доказана исконность формы съ звонкимъ *d*, *gesp. d*, то въ армянскомъ *t* можно было бы усмотрѣть если не законъ соответствія арм. глухого индоевр. звонкому, то случай позднѣйшаго регрессивнаго движенія, хотя надо предупредить, что трудно было бы доказать позднѣйшее появленіе глухого *t* въ

---

in 8°, особенно же обильно въ трехъ первыхъ главахъ (стр. 1—143), своею крайнею фантастичностью и первообытною лингвистическихъ приемовъ дискредитируютъ самый вопросъ этрусскій, этотъ одинъ изъ важнѣйшихъ научныхъ вопросовъ современной филологіи. И думается, что не задача сама по себѣ, а обращеніе съ нею длиннаго ряда исследователей могло выработать у Момзена песимистическое мнѣніе объ этрусскомъ вопросѣ, изъ вторыхъ рукъ повторенное и E. Pottier, *Catalogue des vases antiques de terre cuite* (Musée National du Louvre), II partie, Парижъ 1899, стр. 286—287. Момзенъ говорилъ: „сдвали найдется другой вопросъ, который обсуждался бы столь же горячо, настолько вѣрно, что предметы, наименѣ заслуживающіе серьезнаго вниманія, получили привилегію возбуждать рвеніе археологовъ, еще съ того времени, когда Тиверій на конкурсную работу имъ давалъ тему, кто была мать Гекубы“.

1) Въ флексіи эти основы, *gesp.* наличныя ихъ армянскія и вайскія формы, получаютъ гласное наращеніе -*o*, *gesp.*-*u*, объясненіе чего легко бы усмотрѣть на яфетической почвѣ въ сращеніи именнаго окончанія -*o*, *gesp.*-*u*, или при перебоѣ — -*i*, *gesp.*-*e* (Н. Марръ, *Грам. чин. яз.*, § 12). Такимъ образомъ даже гласное *i* передъ греч. окончаніемъ -*os* въ *Σαβάζιος*-*os* могло бы быть объяснено въ качествѣ переживанія яфетической морфологіи.

2) Точныя записи диалектическихъ текстовъ навѣрно вскроютъ ея болѣе значительное распространеніе въ армянскихъ говорахъ.

подлежащих армянских формах. Кстати, законность глухого звука *t* въ данномъ словѣ и внѣ Арменіи отчасти поддерживается его десиплованнымъ видомъ *t* формы Sabat- въ имени одного выдающагося македонянина — *Σαβατ-τάρης* (Eisele, ц. с., стр. 258: *Σαβατταρῆς*), если вѣрно, что это имя, упоминаемое въ IV-мъ вѣкѣ до христіанской эры, представляетъ фракійское слово, образованное отъ названія нашего бога, какъ предполагаетъ P. Perdrizet¹⁾.

Дальнѣйшая исторія первоначальныхъ формъ на почвѣ Арменіи находится въ связи съ тремя основными законами и хайской, и армянской фонетики: а) во-первыхъ, прототипы претеріѣли законъ перемѣщенія въ началѣ слова — cons. + voc. въ voc. + cons., которому, кстати, будетъ посвящена одна изъ главъ нашей серіи «Фонетическіе элементы въ языкахъ Арменіи», напр. *sabat* > *saṣat* *asvat*, resp. *asbat*, а съ ассимиляціею звонкаго *b* глухому *s* *aspat*, чтó въ зейтунскомъ говорѣ даетъ *шарат* *asbot* > *шасрат* *aspot*, б) во-вторыхъ, прототипъ съ среднимъ *ḡ* въ тоже время подвергается его обычному перебою *ḡ* въ *g*, такъ *sabaḡ* > (*asvaḡ >) *шасар-* *asvar-*, resp. (*aspaḡ >) *шасар-* *asrag-*²⁾. Наконецъ, в) при раздвоеніи прототипа *sabat* на формы съ твердымъ (*asbat* || *asbot*) и съ мягкимъ (*asvat*) губнымъ параллельно съ послѣднею возникла разновидность съ полугласнымъ, resp. слабымъ согласнымъ *w* вмѣсто согласнаго *v*, и тогда *s* между гласнымъ (*a*) и полугласнымъ (*w*) удвоился въ *st*, такъ *saṣat* || *asvat* > *шастат* *astwat*³⁾. Такое удвоеніе *s* въ *st*, явленіе параллельное удвоенію *n* въ *nd*, свойственно армянскимъ нарѣчіямъ, откуда, напр., вмѣсто *Խոսրոզ* *Ḷosrov* *Хосрой* появляется

1) ц. с., стр. 56. Въ связи съ этимъ P. Perdrizet указываетъ и на названіе мѣстности Sabatium у подошвы Олимпа по *Tab. Peuting*.

2) О перебоѣ *ḡ* въ *g* приходилось не разъ говорить, притомъ уже давно въ отношеніи армянскаго. Рѣчь идетъ именно о перебоѣ *ḡ* въ *g*, такъ какъ *d* воплоти закономѣрно даетъ въ перебоѣ *l*, resp. *l* (ср. Hübschmann). Надо при этомъ знать, что это общецѣстическое звуковое явленіе. Иско, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда хайскій языкъ проявляетъ г. ви. засвидѣтельствованнаго другими языками *d*, приходится допускать, что имъ это *d* воспринимали въ качествѣ *ḡ*, и потому-то въ дальнѣйшей исторіи на почвѣ Арменіи его замѣщала не *l*, а *g*. Такъ обстоитъ дѣло напр. съ 1) иран. — пелл. *bōd* (> перс. *bō*) *запахъ*, 2) сир. *ܘܐܝܘܢ* *yaḥūday* *иудей*, 3) греч. *λατλαδ* *свѣтильникъ* при ихъ преобразженіи въ хайскія формы: 1) *բոյր* *boyr* (<*boṡd) *запахъ, ароматъ*, 2) *հրեայ* *hrega-y* (им. *hrega*, откуда груз. заимствованіе *ჰრეა* *huria* *иудей*, изъ *huḡea, resp. *yaḥuḡea) *иудей*, 3) *լամրակ* *lamrag*, отсюда и груз. заимствованіе *ლამრა* *lamrag-i* (<*lamraḡ) *свѣтильникъ*. Когда въ такихъ случаяхъ армянскіе эквиваленты съ *g* пытались объяснить влияніемъ греческихъ діалектическихъ формъ (A. Thumb, *Lehnwörter im Armenischen*, BZ, стр. 413, см. также 392, 37 сл. и 444, 5 сл. вопреки мнѣнію Hübschmann'a), то это было одно недоразумѣніе. Кстати, *lamrag* армяне заимствовали, вѣроятно, не прямо отъ грековъ, а черезъ сирійцевъ (*ܘܐܝܘܢ*).

3) Замислю М. Абеґяна (*Գրական և Մտեր*, Шуша 1889) въ видѣ *шастат* *asowat* (стр. 35, 26, 29, 7, et pass.) при Род. *шаст* *astu* (стр. 22, 28, 23, 23 et pass.) подтверждается скорѣе *aswat*. Существованіе этой формы съ *st*, а не *st*, подтверждается и лор. *шастат* *astwāt*.

Խոստրով Qostrov въ записи 1581-го года¹⁾ и въ надписяхъ, такъ haġbat-ской безъ даты, повидимому, XIII-го вѣка (Джалалялецъ, *Հանձար*, I, стр. 63,12): *Խոստրովի* Qostrovin, равно 1345,з: *Խոստրովիկ* Qostrovik²⁾; правда, форма нашего термина съ такимъ армянскимъ удвоениемъ получила нераздѣльное господство въ хайской письменности, по ее мы иначе какъ исключительнымъ въ данномъ случаѣ влияніемъ живой армянской рѣчи на книжный языкъ древнихъ армянъ, хайскій, объяснить не можемъ; кстати, подлинное произношеніе haevъ для даннаго слова трудно установить на основаніи письменныхъ памятниковъ, такъ какъ въ нихъ оно обыкновенно является подъ титломъ и представлено начальнымъ и конечнымъ звуками въ видѣ *իձ* *āt*, Р. *իյ* *äy* и т. п. Полное начертаніе его, навязываемое хайской письменности, — *ստտաձ* *astawat* (въ вульгарномъ чтеніи: *astawai*, resp. *astvai*) — легко бы толковать какъ условное въ связи съ несовершенствомъ хайскаго письма именно при транскрипціи губнаго *վ* непосредственно за согласнымъ, но, не говоря о томъ, что въ основѣ этого орфографическаго недостатка, на мой взглядъ, лежитъ какаया-то фонетическая особенность, характеризовавшая рѣчь haevъ, въ данномъ случаѣ хайскій языкъ могъ воспринять слово въ новой разновидности, вполне приближавшейся къ греческой формѣ *Σαουάσιος*, засвидѣтельствованной, какъ указываетъ Kretschmer³⁾, подлиннымъ текстомъ; соответственно, хайскій *astawat* можетъ восходить къ прототипу *saowat* (|| греч. *saowad-ios*) черезъ **asowat*⁴⁾. Да и въ армянскихъ нарѣчіяхъ любопытное явленіе, удвоеніе *s* въ *st*, было свойственно, судя по всему, лишь отдѣльнымъ говорамъ, въ извѣстную эпоху, надо думать, получившимъ чрезвычайное значеніе. Можно бы думать, что вообще формы *asvat*||*aswat*, resp. *asowat*, равно *asfat*, и *asbat*, resp. *aspat* съ *asbot*, восходящія къ прототипу *sabat*, составляли особенность армянскаго

1) Як. Топчянъ, *Յուզակ ձեռագրաց Գաղանի խաչիկ վարդապետին*, ч. II, Вагаршапатъ, 1900, стр. 32¹,16.

2) Удвоеніе *s* въ *st* въ данномъ словѣ объясняется тѣмъ, что *g* какъ *sonans* можетъ играть роль полугласнаго *w*. Не исключается и возможность произношенія *խոսրով* съ *ը* послѣ *ս* — Qosrov, что само собою представило бы благоприятное условіе, нахожденіе между гласнымъ (o) и полугласнымъ (ə), для удвоенія *s* въ *st*. Въ асланбэгскомъ говорѣ наблюдается форма названія *Бона* съ любопытнымъ звукомъ *[ɛʔ], обыкновенно эквивалентомъ слабаго *յ*, въ данномъ случаѣ — полугласнаго *ը* ə (*սա*վաձ* *as*vat*, Род. *սա*ձիւ*, Ачарянтъ, *Գեղարկի* *Ընկերակի բարրանին*, Венеція 1898, стр. 22, 23), а никакъ не согласнаго *ս* *t* (ср. ц. с., стр. 19).

3) см. выше, стр. 760.

4) Въ надгробной надписи молодого Гаила, сына Азатшаха, откопанной въ Ани у часовни подъ вышгородомъ въ 1908 г. (*Дневникъ* 10 іюня, рп.), появляется племя разновидности *ստտաձ* (лицевая сторона постамента крестнаго камня, строка 1, слово 1) *astawai*, повидимому, на почвѣ компромисса какой то живой народной формы съ хайской транскрипціею

языка, а форма asvar-, resp. asrag-, восходящая къ прототипу sabaθ (<sabaθ̄), принадлежала чистой хайской рѣчи. Въ пользу послѣдняго положенія легко бы использовать и то, что разновидности asvar- и asrag- сохранены нарѣчіями или говорами, наиболѣе приближающимися къ хайскому языку. Однако, рѣшать этотъ вопросъ при степени наличной разработки армянскихъ діалектовъ несвоевременно, и я ограничусь лишь фактическимъ распредѣленіемъ наиболѣе характерныхъ указанныхъ и другихъ еще діалектическихъ формъ по нарѣчіямъ.

Разновидности съ звонкимъ ð, какъ во фриго-оракійскихъ эквивалентахъ, предлежатъ въ видѣ *աստձ* astoð *Բոց*, тифлис. *աստձ* astuð id.: онѣ могутъ восходить черезъ *astwad̄, resp. *aswad̄ къ прототипу savad̄, если въ нихъ не имѣемъ, при томъ же законѣ озвонченія *t* въ ð, новообразованій, восходящихъ къ тождественнымъ по существу разновидностямъ позднѣйшей формации — *աստոձ- *astot̄- > *աստձ*- astuð-. Любопытнѣйшія формы asvar- и asrag- въ значенія *Бог* сохранены хойскимъ и мокскимъ говорами въ сложномъ словѣ «Богородица», въ армянскомъ обыкновенно звучащемъ astvat̄ + a-tin, resp. въ хайской транскрипціи *աստուածաճին* astowat̄ + a-tin. Въ мокскомъ то-же слово звучитъ *ասրարաճին* asrag + a-tin, притомъ оно встрѣчается въ выраженіи *Գրուճայ բանճր ասրարաճին* изъ народнаго армянскаго зноса¹⁾. Въ томъ же выраженіи того же народнаго сказанія слово появляется и въ формѣ astvaratin, при чемъ слово не только восприняло армянское діалектическое удвоеніе s въ st, но получило хайскую орфографію *աստուարաճին* astowar + a-tin, очевидно, подъ вліяніемъ книжныхъ нормъ, по всей видямости, въ устахъ мокца, а также подъ перомъ записывателей²⁾. Встрѣчается эта форма и въ другихъ выраженіяхъ³⁾. Такое же «книжное» искаженіе представляетъ и въ записанныхъ хайкуни текстахъ *աստուарաճին*⁴⁾ astowar + a-tin вмѣсто чистой формы asvar + a-tin, кстапи составляющей особенность не мокскаго, а хойскаго говора, судя по слѣдующей народной рождественской пѣснѣ хойцевъ, записанной со словъ студента С. Авакяна, изъ Салмаса, студентомъ Ашх. Калантаряномъ, номъ слушателемъ⁵⁾:

1) *Գրուճ* *Գրուճ*, 110, 3, 194, 6, 311, 3, 331 = Ст. Канаянцъ, стр. 54, 22, 71, 32, 92, 35, 96, 40.

2) *Գրուճ Գրուճ*, 209, 5 = Ст. Канаянцъ, ц. с., 11: *Գրուճայ բանճր աստուարաճին*, см. также М. Абеґянцъ, *Գրուճ և ԳՆԵՐ*, стр. 21, 22, 33, 36, 47, 60, 61, о. Гарегинъ, *Սասնայ ճանճր*, Тифлисъ, 1892, стр. 76, 78, 109, 129, 145, 150.

3) *Գրուճայ ճայր աստուարաճին* (о. Гарегинъ, ц. с., стр. 76, 3), *Սըճ Գու աստուարաճին* (о. Гарегинъ, *Փշրանքներ ևն*, стр. 76 въ *Պատկերադրութիւն* 1).

4) Эмянскій этнографическій сборникъ, II, стр. 23, 7.

5) Начертаніемъ в транскрибируется звукъ лат. u = русск. у, а буквою « простое о.

Թագա՞ խացի խոտ է՛ (< է է) կալի.
 Ելէք բշկացէք էն, դոր է՛ (< է է) կալի.
 Իրէք ծիալոր էկալ.
 Մէյն էր Հիսոս, մէյն էր Քրիստոս
 Մէյն էր անձէն ասվարածին (asvaga-tin).
 Ըլէնք տարով, էղնէնք ծորով.
 Քրիստոս էկալ խազար պարով.
 Քրիստոս, աման, չարբս տանես. պարին (sic) բէրես.

Форма *ասվարածին* asvaga-tin *Богородица* обычна, судя по устному сообщению писателя г. Ахароняна, сурмалинца из хойских переселенцев, во всѣх слоях армянскаго населенія Сурмалинскаго уѣзда, гдѣ живутъ какъ коренные армяне, такъ переселенцы изъ персидскихъ и турецкихъ армянъ; она же распространена, какъ сообщилъ мнѣ И. Я. Сагателянъ, самый ашаранецъ, въ Ашаранѣ.

Другую любопытную форму сохранилъ зейтуискій говоръ съ его диалектическимъ о вмѣсто а въ видѣ *ասրած* asroi, resp. *ասրած* asroi, *Бог*¹⁾ какъ самостоятельно, такъ въ составѣ *ասրածածին* asbato-tin *Богородица* (ц. с., стр. 130, 15, 131, 23), но имѣется сейчасъ въ ванкомъ говорѣ и прототипъ этой разновидности съ гласнымъ а — *ասած* aspat *Бог*, судя по записи Е. А. Лалаяна²⁾, откуда и *ասածածին* aspaťa-tin *Богородица*³⁾.

Не менѣе любопытны и дальнѣйшія диалектическія видоизмѣненія типа *asvat* *Бог*, свидѣтельствующія во-очію о томъ, что слово не было достояніемъ одного какого-либо слоя армянскаго народа, оно проникло во всѣ племена и словосія и жило особою жизнью рѣчи каждаго изъ нихъ. Рядомъ съ формами *ասված* asvat, resp. *ասւած *astvat, Род. *աստն* asti-u, проявляющими вліяніе все того же армянскаго нарѣчія съ удвоеніемъ s въ st, имѣются *աված* asvat, resp. *ասւած asvat, Род. *ամն* astu, resp. съ унодвоеніемъ t предъидущему s — *ասս* ass-u⁴⁾. Послѣдній видъ Род. (ass-u) даетъ и

1) Յ. Յ. Ելլա՜ցկերեան, *Ս. Նիս կա՛մ Զէյթուն*, стр. 118, 119 et pass., 178, гдѣ звукъ о (а не wo) также транскрибируется условно начертаніемъ *o*.

2) Ե՛, XX, 1910, 62, 16, 78, 17.

3) п. с., 63, 11, 64, 27, 66, 1, 68, 16, 88, 28.

4) По личному сообщенію студ. Галапцян, изъ Аштарака, въ аштаракскомъ говорѣ, см. еще Саргсянцъ, *Երու՛ւ, բարբ.*, II, стр. 25, прим. 2, а также въ джавакскомъ говорѣ (Е. Лалаянъ, *Ջաւախի բարբա՛նք*, Тифлисъ 1892, стр. 9, Ը, 4, и *Ջաւախ*, Ե՛, I, стр. 338, Բ, 1, хотя тамъ же записана и обычная форма *աստն* asti-u, стр. 333, Բ, 2), гдѣ между прочимъ *ասս-դոտի* assu-goti *радуа* (стр. 352, 2, а также 349, 16, а), въ Сурмалинскомъ уѣздѣ въ послѣднемъ значеніи употребляется, какъ лично сообщилъ мнѣ г. Ахаронянъ, *ամն բլա՛մար* astu quama, *бука*. оба выраженія значатъ „поясъ Бога“, собственно, какъ теперь выясняется,

umen, Тв. *աստղ* ast-ov¹⁾); стянутая основа ast- свидетельствует о существовании некогда разновидности съ десибиллованнымъ t: и въ Им. она (ср. asti-) восходитъ къ *asvat || *aswat черезъ *asət < *asut || *asot, хотя теперь тотъ же подговоръ въ Им. даетъ *ասլած* asvat. Въ текстахъ, записанныхъ, о. Гарегинномъ²⁾, мокскія пословицы вскрываютъ ту же основу—Д. *աստն* ast-un (стр. 30, 1, 3, 4, 6), но въ другихъ видахъ устной литературы обычныя формы — Им. [въ хайской транскр.] *աստղած* astowai (стр. 12,7 et pass., 32,4 et pass.), Отл. то *աստն* astuñ (стр. 34,24, 38,8 et pass.), то *աստըն* astətuñ (стр. 44,12). Усѣченныя формы съ потерей послѣдняго слога имѣются и отъ разновидностей asrag- и asrag-, восходящихъ къ прототипу *sabañ; эти разновидности съ плавнымъ исходомъ до насъ дошли только въ составѣ сложнаго слова. Самостоятельно онѣ съ теченіемъ времени должны были подвергнуться новому измѣненію: сохранившіе ихъ говоры въ паузѣ теряютъ r r, ослабляя его предварительно въ j y, такъ, напр., въ мокскомъ говорѣ имѣемъ *Թափվի Ֆափի*, *իտն* itu, *իբի* ibi, *ձի* ði, *մի* mi, *էսն* esu, *էնն* enu, *իամն* ĩama, *փըշն* փəşn'м вм. *Թափվիր Ֆափիր* (прич.), *իտր* itur (aop.), *իբիր* ibir (хай. *էբեր* eber, фонет. yebyer), *ձիր* dir (*ձեր* ðer), *միր* mir (*մեր* mer), *էսր* esur, *էնր* enur, *իամր* ĩamar (хай. *համար* hamar), *փըշր* փəşur mi и т. п. Слѣдовательно, отъ asrag- и asrag- должны были получиться (черезъ *asray и *asvay) *ասра-* asra- и *асва-* asva-; эти новообразования, дѣйствительно, сохранились, но опять таки въ составѣ, въ этотъ разъ имени *Богданъ*: *Ասրատր* Asra-tur и *Ասватур* Asva-tur.

1) Формы сообщены студ. Авакяномъ.

2) *Փըշնքեր ժողովրդական բանահիւստիքներ*, Тифлисъ, 1892.

